

Алексей
БУЦАЙЛО

МАСТЕР
ПО НЕЧИСТИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б94

Серия «Славянское фэнтези»

Серийное оформление: *Юлия Межова*
Иллюстрация *Бориса Аджиева*

Буцайло, Алексей Степанович

Б94 Мастер по нечисти / Алексей Буцайло.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 380, [2] с. (Славянское фэнтези).

ISBN 978-5-17-116555-0

Послушников из Боявленского монастыря в народе уважительно называют Мастерами по нечисти за умения и самоотверженность, с которыми они противостоят потусторонним силам. Брат Арсентий, в прошлом княжий дружинник,— один из таких мастеров. Иногда один, иногда с другими братьями он бьется с вурдалаками, оборотнями и колдунами, не щадя своей жизни. Арсентий не волшебник, а обычный человек, поэтому против нечисти использует только оружие в умелых руках, древние знания и отчаянную смелость.

© Алексей Буцайло, текст, 2019
© Борис Аджиев, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Душа волколюда

Вряд ли во всем княжестве можно было встретить более неуютное место, чем эта старая часовня. Пронзительный сквозняк колыхал пламя свечей под образами. Серебристыми нитями пробивался через щели в кровле холодный свет луны. В воздухе висела причудливая смесь запахов плесени, пыли и ладана. Рассыхающиеся доски время от времени глухо постанывали, будто по ним ходил кто-то невидимый.

Брат Арсентий — рыжебородый монастырский послушник¹ лет тридцати на вид, одетый в серую рясу, перехваченную на поясе грубой веревкой, — поправил свечу на наклонном столике, зябко повел плечами и потрогал застиранный платок, обмотанный вокруг шеи. Перевернул страницу молитвослова и бросил угрюмый взгляд на гроб в центре часовни — по его ощущениям, полночь уже наступила, а значит, вурдалак может про-

¹ *Послушник* — в русских православных монастырях — человек, который только готовится к принятию монашества. Послушники не дают монашеских обетов и не принадлежат к монашескому братству в полной мере. (Здесь и далее примечания автора.)

будиться в любой момент. Но покойник лежал с таким умиротворенным лицом, что Арсентий засомневался в правоте крестьян, позвавших мастера по нечисти на ночную службу.

В этот миг сверху что-то грохнуло, и послушник настороженно обвел купол часовни глазами цвета холодной стали. Но, убедившись, что звук раздается снаружи — видимо, ночной ветер ударил, — Арсентий задумчиво потер ожог, который уродовал всю левую сторону его лица, от брови до бороды. Потом размашисто перекрестился и вернулся к молитвослову.

Увлечшись чтением, Арсентий чуть было не пропустил то, ради чего сюда и пришел. Подняв в очередной раз глаза, послушник увидел, что старик с бескровно-бледным лицом сидит в гробу и очень недобро смотрит на него. И облизывается.

— Здорово, дед! — кивнул Арсентий нежитю. — Чего не спим?

Вурдалак неторопливо, не сводя с послушника немигающего взгляда, выбрался из гроба. Подошел почти вплотную и стал медленно переступать вдоль меловой линии на полу, очерченной вокруг Арсентия, как будто пытался нащупать слабое место.

— Зачем пришел, парень? — прошепелявил он. Похоже, желтые клыки, торчавшие изо рта, мешали ему говорить.

— Тебя успокоить. — Арсентий, стараясь сделать это незаметно, потянулся к серебряной цепи в сажень длиной и с мизинец толщиной, подвешенной на гвоздь с правой стороны стола. То, что серебро — лучшая защита от всякой нечисти, — ведает каждый смерд. На тварей оно действует почти как огонь на человека: обжигает и доставляет нестерпимую боль.

— Непростой ты парень, знаешь много,— прищурился вурдалак, а потом раздвинул губы в подобии улыбки.— Но до утра не доживешь.

— Ну это мы еще посмотрим.— Цепь, запущенная умелой рукой, свистнула в воздухе и обвилась вокруг тела нежитя, притягивая руки вплотную к телу. Тот заревел от боли, забился, стараясь разорвать путы. Арсентий выхватил из-под рясы деревянный молоток и заостренный осиновый кол. Перешагнул линию, приблизился к деду, поднимая на ходу орудия усмирения неупокоенных мертвецов...

И понял, что поспешил. Вурдалак с утробным рычанием напряг неожиданно сильные руки, и цепь лопнула с мелодичным звоном. Мертвый дед рванул вперед, вытянул в сторону послушника ладони с черными когтями. Арсентий отскочил назад, в круг, но увидел, что ногой случайно подтер меловую линию. Не очень представляя, что делать дальше, послушник бежал столик с книгой. Когда он запирался вечером в часовне, то не думал, что упырь окажется настолько сильным. Все-таки они на священной земле, вокруг иконы, все это должно было ослабить нежитя. Прочитался...

— Хватит бегать, парень! — мерзко захихикал дед.— Некуда бежать тебе.

«Прав нежить»,— подумал Арсентий, пятясь. Выйти из часовни не получится, он сам велел местным запечатать двери тяжелым брусом и не открывать до рассвета, что бы ни произошло. Длинным прыжком послушник преодолел расстояние до входа, выхватил из прислоненных к косяку ножен меч и направил в сторону мертвого деда, правда, без особой надежды — не тот случай, когда сталь поможет.

Конечно, если бы это был простой неуспокойный, можно было бы побегать кругами до первых петухов, тем более светает сейчас рано. Но этот вурдалак не простой — при жизни дед был колдуном, а перед смертью не успел никому передать свою силу. Если до утра третьего дня после смерти с ним не справиться, он не уснет, а наоборот, станет еще сильнее.

Одним взмахом вурдалак отбросил далеко в сторону столик с книгой. И вновь очень быстро бросился на послушника. Арсентий увернулся, отскочил вправо и со всей силы вмазал мечом по голени деда — не только не прорубил, тот даже не заметил, а клинок разлетелся на куски, лишь рукоять в руке осталась. Вурдалак развернулся, зарычал и вцепился в плечи Арсентия. Рывком приподнял послушника, давил с обеих сторон — аж кости захрустели — и потянулся оскаленной пастью к шее.

Но тут у нежитя вышла неувязочка — как только клыки пропорол платок, они коснулись воинской гривны, серебряного витого ободка на шее Арсентия, единственной его памяти о молодости в дружине. Дед резко отстранился и отбросил от себя послушника, зашипев при этом от сильной боли. Арсентий не стал ждать — высоко подпрыгнул и обеими ногами врезал в грудь противнику. Опять как в камень, но вурдалак все же не устоял, отлетел в сторону и завалился на спину. При падении он, правда, снова успел вцепиться в плечо послушника, увлек за собой. Арсентий из-за этого не смог упасть мягко, как умел, а со всей дури грохнулся на пол и почувствовал, что теряет сознание.

Уже не совсем понимая, что делает, послушник махнул рукой с зажатым в ней колом, воткнул в правое

плечо вурдалака. Разумеется, не убил, для этого надо в сердце попасть, но тут же перекинул в левую руку молоток, быстро и сильно ударил несколько раз. Кол пробил тело насквозь и со скрежетом вошел в доски, прибив деда к полу.

Вурдалак отбросил послушника в сторону, схватился за деревяшку, торчавшую из тела, и медленно потянул, пытаясь освободиться. Арсентий, не теряя времени, рванул туда, где на полу валялись обрывки цепи. Схватил один из них, вернулся к деду, обвинил его шею на манер удавки. Серебро врезалось в плоть мертвяка, принося ему дикую боль — он опять принялся орать и биться. А потом вурдалак рывком сорвал с послушника гривну, двумя руками вцепился в горло, сжал, перекрывая дорогу воздуху. Арсентий попытался вырваться, но ничего не вышло. Тогда он собрал все силы и потянул в стороны концы цепи. Серебряные звенья глубоко вгрызлись в мертвую плоть, но в глазах послушника потемнело от удушья, а в висках застучали кузнечные молоты.

* * *

Когда в селе заголосили первые петухи, местный староста подошел к дверям часовни и долго вслушивался, пытаясь понять, что происходит внутри. Приезжий послушник, конечно, обещал успокоить мертвого коддуна, но кто его знает, вышло ли у него. Может, лучше подпалить тут все от греха подальше? Но потом староста все-таки решился и кивнул остальным.

Подбежавшие крестьяне отперли двери и с копьями наперевес осторожно заглянули внутрь.

— Слышь, православные,— раздался из полумрака хриплый голос брата Арсентия.— Пошлите кого-нибудь, пусть медовухи принесут.

Он вышел на солнечный свет и без сил опустился на завалинку неподалеку. Слегка прищурился, с блаженной улыбкой смотрел вокруг. Когда прибежавший из деревни парнишка принес запотевший кувшин, послушник с непередаваемым удовольствием отхлебнул горьковатого напитка. Теперь еще в баньку, а потом зарыться с головой в ароматное сено да проспаться до завтрашнего утра.

— Доброго дня! — К Арсентию подошел незнакомый священник примерно его возраста, очень благообразный, высокий и худощавый, с тонким изящным лицом.— Насколько я понимаю, это тебя называют мастером по нечисти?

«Ишь, как чешет! — Послушник разглядывал гостя с любопытством.— Как пить дать, из недавних книжников¹, знакомая порода».

— Брат Арсентий, послушник из Богоявленского монастыря,— представился он и отставил кувшин.

— Отец Сафроний, настоятель церкви в селе Уголь,— ответил священник.— Это в десяти верстах отсюда. Мне срочно нужна помощь.

— Очень срочно? — нахмурился Арсентий. Неужели баньку и сеновал придется отложить?

— У нас мертвецы из могил пропадают. Сегодня ночью шестой. И я боюсь, что уже поздно.

— Ага, скорее всего, поздно.— Арсентий хлопнул себя по бедрам и поднялся на ноги.— Поехали, по дороге расскажешь.

¹ *Книжник* — в Средневековой Руси священник, обучавшийся в школе при монастыре по церковным книгам.

* * *

Послушник присел на корточки возле разоренной могилы в надежде по следам понять, что же здесь случилось ночью. Но мощный ливень, подкарауливший их на середине пути, уже успел превратить землю в бурюю грязь. Арсентий с обидой посмотрел на небо — почти месяц ни капли, а тут словно небесную твердь пробили.

Он обошел могилу кругом, потом спрыгнул вниз. Потрогал пальцами раскуроченную крышку гроба — как и говорил священник, выглядит так, будто кто-то очень сильный вначале пробил верхнюю доску в середине, а потом ломал на щепки.

— Когда, говоришь, началось это?

— Два месяца назад, аккурат в полнолуние.— Отец Сафроний с интересом следил за действиями послушника.

Арсентий опустился на колени, наклонился вперед, заглянул под крышку гроба. Резко отпрянул — большая темно-зеленая лягуха, спрятавшаяся внутри, громко квакнула прямо в лицо.

Сплюнув от досады, брат Арсентий снова наклонился и прищурился. И увидел намокший клочок темно-бурой шерсти, застрявший в щели. Аккуратно вынул, рассмотрел, потер в пальцах, понюхал. Задумчиво потрогал длинный шрам на лбу — неужели опять? Потом провел рукой по четырем глубоким бороздам на стенке гроба, и лицо его потемнело.

— Руку дай.— Арсентий схватился за протянутую ладонь, с небольшим усилием выбрался на поверхность по скользкой от дождя земле, отряхнул испачканные полы рясы.

— Я сперва подумал, что кто-то залез ради поживы,— продолжил батюшка.— Там Васька Жигун лежал, барышник¹. Перед смертью с торга вернулся, отмечал, да по пьяному делу с лестницы упал. Но зачем тогда тело забирать? Я и решил никому не рассказывать пока, чтобы селян не пугать, сам могилу зарыл и службу заново провел.

— А этот кем был? — Арсентий указал на яму.

— Егорша, пастух. Три дня как схоронили. Стадо пас над рекой, с обрыва свалился и шею свернул.

— Кто-нибудь видел это?

— Только сын его, Миклоха, но он юродивый.

— Ладно, хватит мокнуть.— Арсентий зябко повел плечами.— Найдется у тебя чем согреться?

Они прошли по размокшей тропинке к небольшой церкви. Священник приглашающе распахнул дверь пристройки, служившей ему домом. Арсентий вошел, перекрестился на иконы, с удовольствием прижал озябшие ладони к теплым кирпичам печи.

— А когда второй случай был?

— На следующую ночь после первого.— Батюшка вынул из печи горшок с горячей водой, покопался в берестяных коробочках на полке. Сыпанул в кипяток с полпригоршни трав — по дому разлетелся аромат лесных ягод и полевых цветов,— накрыл крышкой и присел на лавку у стола, заваленного книгами и свитками.— А в следующее полнолуние еще трое. Все умерли накануне и не своей смертью. Ну и вот сегодня.

Священник налил отвар в большие кружки, одну протянул гостю. Арсентий хотел намекнуть, что под словом «согреться» имел в виду иное, но обижать хозя-

¹ Барышник — мелкий торговец (устар.).

ина не стал. Тем более, на вкус напитков оказался очень недурственным, а по телу растеклось приятное тепло. Даже в сон слегка потянуло, все-таки вторые сутки на ногах.

— Добро.— Арсентий потер глаза и поднялся на ноги.— Дождь стихает, не будем расслаживаться. В селе есть кто оружие держать умеет?

— Тут пограничье, в каждом доме копые наготове.— Отец Сафроний увидел, как скривил лицо послушник, и быстро добавил: — С год назад князь прислал воев, заставу срубили. Три десятка парней и старшина. Чтобы, стало быть, было, кому границу оборонять, если степняки опять нагрянут.

— Вои — это хорошо. Ночью его ловить будем.

— Кого?

— Волколюда.

— А это что ж за напасть? — Батюшка перекрестился.

— Волколюд, он же оборотень. Сегодня у него седьмая ночь, получается. Если еще одно сердце сожрет, в полную силу вступит, и тогда нам крепко не поздоровится.— Арсентий снял плащ с крючка.— Покажешь, как заставу найти?

* * *

— **В** последние дни еще кого-нибудь хоронили? — продолжил брат Арсентий, когда они вышли на дорогу.

— Нет, все живы, слава богу!

— Странно. Он их для этого заранее готовил, чтобы в нужный момент промашки не вышло, потом приходил и сердца жрал. А в этот раз почему-то не подготовился.

— Ох, отзовут меня отсюда после такой истории! — вздохнул Сафроний.

— Это не самое страшное, что случиться может. Да и что ты так волнуешься? Не лучшее место для жизни.

— В этом-то и дело.— Отец Сафроний обходил лужи, подобрав полы рясы.— В эти места слово Христово недавно пришло. Собственно, я второй священник, который в этом селе служит.

— Как так? — удивился Арсентий.

— Да везде одна история — в городах все крещеные, а по лесам волхвы сидят, старым богам служат. Народ к ним и ходит — кто тайно, а кто не прячась. А уж на праздниках бесовских что творится — князя и воеводы огненные колеса катают да цветок папоротника ищут.

— Это да,— согласился послушник.— Язычество сильнó еще по всей Руси.

— В этих местах оно особо сильно,— продолжил священник.— Пограничье. Здесь люди идут за тем, от кого верхней защиты от Степи ждут. Лет пятнадцать назад половцы большой силой приходили, так местный батюшка просто сбежал. Зато волхв в первых рядах рубился.

— А здесь и волхв есть? — присвистнул брат Арсентий.

— Да, у него капище в дубраве неподалеку.

— Что-то ты, батюшка, об этом больно спокойно говоришь.

Брат Арсентий хотел продолжить, но взгляд его упал в сторону реки, и от открывшегося вида перехватило дух. Дождь закончился, солнечный свет яркими лучами струился через прорехи в тучах. Могучий поток нес воду неторопливо и величественно, а далеко на юге с

берега на берег разноцветным рушником перекинулась радуга.

— Да, красота этих мест — еще одна причина, по которой я не хотел бы уезжать. — Отец Сафроний остался рядом с Арсентием.

* * *

Арсентий не сразу понял, что его смущает — вроде обычное село, каких множество раскидано по русским землям. Дома-пятистенки из толстых бревен с заросшими травой крышами. Крапива и лопухи вдоль дороги, березы и осины тихонько шелестят ветвями, чуть поскрипывает на ветру журавль колодца. И пахнет как обычно — свежим хлебом, сухим сеном, цветами и коровьим навозом. Но чего-то не хватает.

— А почему собаки не лают? — вдруг понял он.

— Не осталось собак, по весне все сгинули. Даже те, что на цепи сидели, сорвались.

— Понятно. Собаки волколюда на дух не переносят. Сильный он, видать.

В селе царило оживление — крестьяне, как только дождь закончился, поспешили вернуться к работе. Кто-то гнал коров и овец, посвистывая и щелкая кнутами. Другие, закинув на плечо косы и грабли, шли в поле. Третьи занимались своими делами во дворах. Арсентий прикинул — в селе более тридцати домов, значит, до двух сотен душ. И жизнь каждого зависит от того, получится ли справиться с волколюдом.

— Вон там застава, уже не заблудишься. — Отец Сафроний показал на деревянные стены. — Я с тобой не пойду. Обещал зайти к Зимаве — это сестра Егорши, который сегодня... ну, лежать перестал.

— Добро,— согласился Арсентий.— Там и найдемся.

Подойдя поближе, Арсентий оглядел стены знающим глазом — на совесть рубили. Вроде бы невысокие, но с налету не взять, тем более степнякам, привыкшим к быстрым наскокам. А с верхушки сторожевой башни округа как на ладони — если придет враг, заранее увидят и людей укрыть успеют. А вот с несением службы тут было не очень. Четверо крепких парней лет семнадцати-восемнадцати расселись около ворот на чурбанах, копы и щиты прислонили к стене, что-то обсуждали со смехом и прибаутками.

Парни откровенно бездельничали, и послушник вздохнул, предвидя, что его сейчас может ожидать. С тех пор как он надел рясу, Арсентий стал привлекать внимание красивых женщин, которых очень расстраивало, что мужественный послушник не поддается их чарам. И вот таких вот крепких молодцов, которые думали, что за его счет можно самоутвердиться, показать свое превосходство.

Несмотря на то что священников на Руси уважали, монахов и послушников не привечали. Сидят, мол, за монастырскими стенами, не сеют, не пашут, на врагов не ходят, только молятся. Но хочешь не хочешь, а мимо скучающих хоробров¹ пройти никак не получится. Арсентий уверенным шагом двинулся вперед, стараясь не встречаться с ними глазами, чтобы не восприняли это как вызов. Не помогло.

— Слышь, дрозд, ты, кажись, заплутал? — с улыбкой поднялся на ноги самый молодой, расправил плечи.— У нас тут не монастырь, а застава. Тут настоящие мужчины обитают.

¹ Хоробр — храбрец, или удалец (устар.).

— Старшина здесь?

— Эй, Усыня, а посмотри-ка, правду ли говорят, что они, как рясу наденут, ниже пояса в девок превращаются? — со смехом предложил один из товарищей.

— А что, дельная мысль,— оскалился Усыня.— Давай, монашек, рясу-то задирай.

Он ухватился за подол и потянул вверх, продолжая смеяться. Перестал, когда послушник резко хлестнул его по запястью.

— Я не монах, я послушник,— произнес Арсентий жестко, глядя прямо в глаза Усыни.

— Ого! Глядь, парни, а дрозд-то не из трусливых! —левой рукой Усыня схватился за ворот арсентьевой рясы, стал накручивать ткань на кулак, правую занес для удара.

Арсентий опять вздохнул — не хочется, но раз другому не понимает... Быстрым движением выстрелил правым кулаком в живот парня, и тот принялся хватать ртом воздух. Носком сапога послушник подцепил ногу противника, резко дернул вверх, и Усыня завалился спиной в лужу, подняв тучу грязных брызг.

Товарищи упавшего в ту же секунду оказались на ногах, окружили. Арсентий про себя отметил, что бойцы хоть и имеют некоторую выучку — в тиски взяли грамотно,— но явно не дружинного уровня. Крепкие, быстрые, но двигаются без нужной легкости.

Парни бросились почти одновременно. Но Арсентий в тот же миг сместился левее, коротким ударом в кадык вывел из дела первого. Схватил его за кожаный пояс, крутанул вокруг себя, толкнул навстречу двум другим. Сократил расстояние до второго, увернулся от кулака, одновременно вцепил ладонью по затылку и подставил подножку, парень перекувырнулся и упал